

— Да, я имею в виду именно «использование ненормативной лексики», казённо выражаясь. Ни у кого не возникало желания аккуратно поправить речь ваших персонажей?

— По поводу ненормативной лексики сейчас всё ясно: на все мои книги ставится такой значок — «18+», и по кругу пишут: «содержит нецензурную брань», то есть склоняют автора к брани цензурной. Что говорит о полном непонимании природы и методики использования слов ненормативного слоя лексики. Да, и ещё запечатывают книги в целлофан. Не представляю, чтобы книги Генри Миллера кто-то запечатывал.

— В «Последнем кабане из лесов Понтеведра» есть такой эпизод: «Ничего, — примирительно сказал он. — Видите, а людям понравилось». — «Но ведь им и Дебюсси нравится?» «И Дебюсси, — кивнул он, — и Дебюсси нравится. В этом-то и штука... Перед этим, милая, всегда художники руки опускали — перед всеядностью толпы». Всеядность толпы — это правит-

Писатель пишет, потому что не писать не может

ся? Или действительно можно только руки опустить и констатировать данность?

— В этом отрывке говорится о восприятии искусства толпой. Слегка отвлечённый диалог, несколько «общо». На самом деле «толпы» в этом вопросе не существует. Аудитория в зале филармонии и люди на молодёжной дискотеке — это разные люди, разные интересы, разные биографии. Другое дело, что художник всегда противопоставлен нехудожнику. И это всегда драма, художник всегда одинок, это правда. При этом жизнь и искусство вообще не правятся, к чему их править, они существуют в разных плоскостях и прекрасны сами по себе.

— И если это не нравится, то зачем каждый раз так мучительно рожать тексты? Потому что, кажется, в вашем случае это всегда роды, когда полегче, когда уж совсем туго, но всякий раз, не знаю почему, ощутил процесс.

— Нет, вы уж определитесь, пожалуйста: я «пишу быстрее, чем вы читаете», или как-то там особо